

Movement of the South Russian Frontier in the 17th – First Half of the 19th Centuries as the Development of the “Wild Fields”

Valery V. Kanishchev¹, & Yuri A. Mizis²

Derzhavin Tambov State University; Yelets State University. Tambov, Yelets, Russia

Received: 18 June 2024 | Revised: 15 September 2024 | Accepted: 21 September 2024

Abstract

The authors of the article made an attempt to clarify the concept of frontier, considering it not only in a civilizational sense, but also in a socio-natural context. Particular attention was paid to the movement of the frontier as the development of the “Dykoe Pole” [Rus: steppe, “Wild Fields”], a space not yet plowed by farmers. The purpose of the article was to measure the concrete degree of evolution of the zone of the South Russian frontier during the 17th – 19th centuries in terms of the scale of settlement, population density, and plowing of land. As a result of the study, specific indicators of the development of the “Wild Fields” were obtained: widespread settlement in riverine and upland areas, population density equal to the old regions in the Center of Russia, plowing of more than half of the territory of the former frontier zone, in some “uezds” [Rus.: a group of districts gravitating towards the city] even more than in the traditionally arable central “uezds”. In conclusion, the authors drew attention to the usefulness of studying the nonlinear effects in the development of the “Wild Fields”. In particular, it concerns the economic development of apicultural and other areas, hundreds of which at the end of the 16th – 17th centuries were located in the part of the “Wild Fields” that had not yet been subordinated to the Russian state, as well as the traces of agricultural hike on the territories south of the frontier of the 17th century developed there long before the construction of fortresses and defensive ramparts, – the facts identified recently in collaboration with soil scientists.

Keywords

Frontier; “Wild Fields”; Colonization; Resettlement; Population Density; Plowing of Land

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: valcan@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8372-4455>

2 Email: ymizis49@yandex.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4065-0767>

Движение южнорусского фронта в XVII – первой половине XIX вв. как освоение «Дикого поля»

Канищев Валерий Владимирович¹, Мизис Юрий Александрович²

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина. Тамбов, Елец, Россия

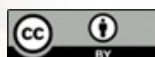
Рукопись получена: 18 июня 2024 | Пересмотрена: 15 сентября 2024 | Принята: 21 сентября 2024

Аннотация

Авторы попытались уточнить понятие фронт, рассматривая его не только в цивилизационном смысле, но и в социоестественном контексте. Особое внимание было уделено движению фронта как освоению «Дикого поля», – еще не распаханного земледельцами пространства. Цель статьи состояла в конкретном измерении степени освоенности зоны южнорусского пограничья в течение XVII – первой половины XIX вв. по показателям масштабов расселения, плотности населения, распашки земли. В результате исследования были получены конкретные показатели освоенности «Дикого поля»: широкое расселение на приречных и плакорных пространствах; плотность населения, равная старинным районам Центра России; распашка более половины территории бывшей зоны фронта, в некоторых уездах даже шире, чем в старопахотных центральных уездах. Заключая, авторы обратили внимание на полезность в эвристическом плане обратить внимание на нелинейные эффекты в освоении «Дикого поля». В частности, речь шла о хозяйственном освоении бортных и иных ухожаев (угодий), сотни которых в конце XVI – XVII в. располагались в еще не подчиненной российским государством части «Дикого поля», а также о выявленных совместно с почвоведомы следах земледельческого освоения территорий к югу от фронта XVII в., развивавшегося здесь задолго до строительства крепостей и оборонительных валов.

Ключевые слова

фронт; «Дикое поле»; колонизация; расселение; плотность населения; распашка земель

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: valcan@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8372-4455>

2 Email: ymizis49@yandex.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4065-0767>

Введение

За несколько десятков лет существования историографии русского фронта, помимо традиционного тернеровского толкования этого явления как точки встречи дикости и цивилизации, сложилось еще несколько концепций.

Объективно это было обусловлено тем, что, в отличие от США, где фронт двинулся в одном направлении (Восток-Запад), в России XVI – XIX вв. существовало несколько подвижных границ. Постепенно помимо сибирского фронта, с изучения которого началась российская историография данной тематики, историки стали изучать разные по географической направленности и хронологической продолжительности освоения фронтальные зоны. Историки Центрального Черноземья изучают движение границ и населения от Белгородской Черты до области донских казаков. Историки Поволжья и Урала исследуют юго-восточный фронт: движение из Волжско-Камской лесостепи в прикаспийские и южноуральские степи (Дубман, 1999; 2012) Результаты изучения этих фронтальных участков получили обобщение в коллективной монографии историков Белгорода. Воронежа, Ельца, Самары, Тамбова, Уфы (Южный и юго-восточный фронт России в XVI – XVIII веках, 2024). В целом ряде научных центров юга Европейской России ведутся исследования нового южного фронта XVIII – первой половины XIX в., существовавшего на Нижнем Дону, Нижнем Поволжье, Северном Кавказе (Баева, 2014а; 2014б; Романова, Топчиев & Саракеева, 2013, Степанова, 2020; Якушенков & Якушенкова, 2010; 2013).

Субъективной предпосылкой появления разных концепций, объясняющих российские фронты, стало существование в отечественной историографии концепции колонизации, делающей упор на освоение россиянами приграничных территорий, которая отчасти совпадает с фронтальной теорией. (Загородский, 1969; 1987; Преображенский, 1956; Тарасов, 1984; Шульгин, 1928; Шунков, 1946; Ивина, 1985; Ямзин & Воцинин, 1926).

В современной историографии положение о фронте как зоне освоения новой территории сформулировано в работах Н. Ю. Замятиной. Среди конкретных элементов ее концепции мы выделили для себя утверждения о фронте как линейном продвижении засечных черт на юг, как поставщике ресурсов для старой территории России, как среде обитания вольных людей.

Эта концепция навела нас на мысль о том, что при линейном движении передвигание оборонительных линий, создаваемых государством, выявлялись нелинейные эффекты, относительная независимость переселенцев в освоении ресурсов «Дикого поля» (Белаш (Замятина), 1997; Замятина, 1998).

Близкой для объяснения фронта как зоны освоения является введенное С. Н. Якушенковым и О. С. Якушенковой понятие активного фронта.

Для нас в работах этих авторов очень важно толкование данного термина как территории, богатой ресурсами (Якушенков & Якушенкова, 2010; 2013).

Мы считаем, что концепцию Н. Ю. Замятиной может дополнить изучением истории южнорусского фронта XVII в. в социоестественном контексте. Мы имеем в виду анализ освоения «Дикого поля», как еще не распаханного земледельцами пространства, в процессе движения фронта.

В недавно завершенной объемной монографии авторы этих строк вместе с коллегами главное внимание уделили строительству оборонительных линий, роли в истории фронта городов-крепостей, движению государственных границ, формированию социальной структуры населения. Вопросы освоения территорий внутри этих границ оставались на втором плане. (Южный и юго-восточный фронт России в XVI – XVIII веках, 2024).

При новом подходе понятие фронта как зоны освоения насыщается историко-демографическими, историко-географическими, историко-экономическими, историко-экологическими сюжетами.

Новый подход имеет не только конкретно-историческое значение, но и широкий гуманитарный смысл. Ведь речь идет об освоении очень существенной части «Русского поля», в Центрально-Черноземном регионе, который на протяжении нескольких столетий является крупнейшей житницей всей огромной России.

Среди других концепций русского фронта мы обратили особое внимание на положения монографии Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского о разных стадиях его развития, особенно на понятие внутреннего фронта как территории, которая продолжает осваиваться во внутренних границах государства. (Резун & Шиловский, 2005).

Американский историк М. Ходорковский рассматривал освоение русских степей с точки зрения образования колониальной империи. Он говорил об «органическом колониализме», связанном с оборонительными функциями, огромными расходами на оборону и выплату денег кочевникам в виде выкупа пленных, сбора «поминок», централизацией и ассимиляцией кочевых народов (Ходорковский, 2019). Учитывая этот подход в своих исследованиях социально-политических процессов в зоне южнорусской окраины XVII в., в данной статье колонизацию территории «Дикого поля» в конце XVII – середине XIX вв. мы рассматриваем как сугубо демографический и хозяйственный процесс. В этот период и на этом участке фронта-лесостепи кочевники уже не были «конкурентами» русских земледельцев в борьбе за лесостепные земельные ресурсы.

В Центральном Черноземье «Дикое Поле» после ухода государственной границы далеко на юг в конце XVII в. продолжало осваиваться именно как внутренний фронт.

В одной из своих статей мы уже писали о двух частях южного русского фронта: территорию Центрального Черноземья, бывшую пограничьем XVII в., предложено называть первым южнорусским фронтиром; распо-

женные дальше к югу территории Нижнего Дона и Поволжья, Северного Кавказа – вторым южнорусским фронтиром. В данной статье мы рассматриваем первый южный фронт как внутреннюю территорию Русского государства. (Канищев & Лямин, 2022).

Помимо работ общих работ по данной тематике мы постарались учесть близкие к нашей теме работы В. А. Ильиных, Ю. Г. Степановой, И. М. Фединой, посвященные земледельческому освоению Сибири и Юга Европейской России (Ильиных, 2022; Степанова, 2022; Федина, 2022а).

Наша многолетняя работа по изучению истории возникновения и развития отдельных населенных пунктов на микроуровне недавно получила, скажем так, историографическую поддержку в виде монографии И. М. Фединой о микромоделировании поселенческих процессов в зоне Восточного Причерноморья периода его русского заселения (Федина, 2022b).

Сравнительно длительная хронология исследования вполне объясняется протяженностью процессов освоения южного «внутреннего» фронта, установившимся в исторической литературе мнением о том, что русская колонизация Черноземного Центра (формирование поселенческой сети и распашка «Дикого поля») завершилась в середине XIX в. (Загоровский, 1991).

В географическом плане мы изучаем территорию к югу от Белгородской черты, которая в течение XVII в. оставалась классическим фронтиром, в котором движение государственной границы сочеталось с его заселением постоянными жителями и хозяйственным освоением. Главным образом мы имеем в виду южную часть Тамбовской губернии и юго-восточную часть Воронежской губернии до границ с Областью войска Донского. Геополитическими особенностями этой территории были, с одной стороны, отсутствие четких границ с другими государствами, с другой стороны, классическая для любого пограничья политическая неустойчивость в связи с постоянными набегами кочевников при отсутствии у них сложившихся государственных структур (кроме Крымского ханства).

Цель и задачи данной статьи могут показаться амбициозными. Но мы предлагаем рассматривать ее как один из нескольких шагов в решении более крупной междисциплинарной задачи по исследованию длительного антропогенного воздействия на российские черноземы, в XVII – XIX вв. В этом большом проекте конкретно-исторические изыскания будут сочетаться с естественнонаучными почвоведческими подходами и геоинформационными технологиями. В данной статье рассмотрены демографические и экономические аспекты темы с учетом роли условий заселения и земледельческого освоения изучаемой территории.

Главным источником для достаточно широкого изучения населенных пунктов по Черте конца XVI – XVII вв. стали материалы подворных переписей, которые позволяют выяснить численность первопоселенцев изучаемой зоны и особо важные для нашей темы сюжеты, связанные с наличием в земельных владениях участков, официально числившихся в «Диком поле», а также пере-

лога. Определение масштабов участков в «Диком поле» в соотношении с уже включенной в постоянное пользование пашней позволяет установить степень освоенности «Дикого поля» во второй половине XVII в. Упоминание перелога важно для понимания постепенности в освоении девственных природных ресурсов южного «внутреннего» фронта.

Информация о новых населенных пунктах и числе их жителей, возникших к югу от Белгородской черты в конце XVII – XVIII вв., стала формироваться только в ходе первых ревизий. Ценнейшим картографическим источником, который историками только начинает вводиться в научный оборот, являются карты А. М. Вильбрехта, отразившие поселенческую сеть Российской империи 1770-х гг.

Наиболее крупным источником, сочетающим статистическую и картографическую информацию, для нас послужили планы Генерального межевания и Экономические примечания к ним. Они в первую очередь дают нам возможность установить существование всех населенных пунктов изучаемой территории, в т. ч. не отразившихся на картах Вильбрехта. Другое дело, что планы межевания в отличие от карт не привязаны к сетке координат. В данной работе мы можем пренебречь невеликими погрешностями в фиксации мест поселений на планах межевания. Для нас важна возможность установления местонахождения этих поселений во фронтирной зоне.

Материалы Генерального межевания впервые зафиксировали общее состояние пашенных угодий в зоне к югу от Белгородской черты. Это дает возможности для выявления изменений в сравнении с подворными переписями 1670-х гг., которые учитывали только земельные владения, находившиеся в зоне Черты.

В качестве источника по расселению, численности населения, природопользованию в зоне бывшего «Дикого поля» мы изучили экономико-географические и статистические описания конца XVIII – первой половины XIX в. (Арсе-ньев, 1843; Болховитинов, 1992; Военно-статистическое обозрение, 1850, 1851; Краткие записки к статистической таблице округа, 1823; Сборник статистических сведений о России, 1851; Список населенных мест Воронежской губернии по сведениям 1859 года, 1865; Список населенных мест Тамбовской губернии на 1862 год, 1866).

Тамбовской губернии «повезло» в том смысле, что здесь проводилось межевание А. И. Менде. Планы межевания позволяют установить места новых поселений, возникших на завершающем этапе освоения «Дикого поля». Экономические примечания к планам дают возможность наглядно представить степень освоенности природных угодий южного «внутреннего» фронта.

Особо мы учли то обстоятельство, что во второй половине XIX в. на территории бывшего «Дикого поля» стали проводиться почвоведческие исследования, результаты которых позволяют определить степень истощенности чернозема вследствие его полутора-двухвековой распашки.

Главной особенностью методологии исследования стали междисциплинарные подходы в сочетании с методами социоестественной истории и информационными технологиями.

В частности, были использованы электронные базы данных, составленные по материалам подворных переписей и Генерального межевания о населении и землепользовании отдельных поселений, уездов и губерний, которые были обработаны количественными методами в целях определения степени заселенности и хозяйственной освоенности «Дикого поля».

В работе были применены картографические методы, позволившие сравнить динамику изучаемых процессов на разновременных картах. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить особенности отдельных этапов освоения «Дикого поля».

Заселение зоны южного русского фронта

Термин «дикое поле» в XVI-XVII вв. применялся в документах для обозначения земель, не используемых под пашню. Такая земля могла быть не только на русских окраинах, но и в центральных, староосвоенных территориях. Территория новых земель на юге России называлась «Подем», (на «поле»), «северские города», «рязанские города», «украинные города», «города от польской украины»; позже, с основанием городов на территории Поля, появляются «польские города». (Загоровский, 1969; 1969; Скобелкин, 2011). Особенно заметим, что авторы документов того времени города-крепости южнорусской окраины называли «польские города», «города от польской украины» и т. п. Несмотря на пестроту терминологии, имеющиеся источники оставляют стойкое впечатление того, что современники воспринимали южные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства.

Начиная с середины XVI в. и далее в XVII в., территория южных уездов России имела две зоны. Первая из них до середины XVII в. была ограничена линией укреплений, заселена и земледельчески освоена. Другая часть юга России до 1630-х гг. являлась только хозяйственной зоной, находилась за линией укреплений, использовалась местным населением как бортные, рыбные и пушные угодья – ужожаи. Эти земли считались государственной собственностью и сдавались местными воеводами всем желающим в оброк. Основными потребителями ужожаев были дворцовые крестьяне, отдельные категории мелких служилых людей и монастыри (Мизис & Напольникова, 2022, с. 142-161). В некоторых редких случаях за линией укреплений служилые люди имели пастбища. Можно считать, что освоение этих угодий было первым проявлением нелинейных эффектов в освоении зоны фронта как движущейся границы. Дальнейшее освоение бортных, рыбных и пушных угодий, а главное, ценнейшего ресурса «Дикого поля» – чернозема – шло линейным

путем. Хозяйственное освоение новых территорий наступало вслед за движением на юг границ Русского государства.

При этом нужно непременно заметить, что изучаемая зона изначально использовалась не только в оборонительном отношении. Служилые люди были не только воинами, но и пахарями. Они получали за службу земельные наделы и уже в XVII в. широко освоили свои новые земли.

Такое явление мы также считаем нелинейным эффектом. «Линейность» оно начало приобретать со второй половины XVII в., когда государство стало раздавать земли в «Диком поле» монастырям и помещикам. И все же черты нелинейности проявлялись и в XVIII в. В этот период бывшие служилые люди, формально ставшие земледельцами-однодворцами, сохранили некоторые военные обязанности. Только в конце XVIII в. они стали обычными крестьянами, а в середине XIX в. получили статус государственных крестьян. Мы сознательно подробно не рассматриваем социальный аспект освоения «Дикого поля», поскольку освещали его в ряде наших прежних работ (Канищев, 2018).

Моделирование историко-географических процессов показало, что наиболее типичной частью зоны освоения южного Поля была в XVII–XVIII в. территория будущих Воронежской и Тамбовской губерний, которая вобрала в себя все характерные социально-демографические черты этого региона (Канищев, Баранова & Жиров, 2015). Особенно важно для настоящей статьи то, что на этой территории находились названные выше обе зоны южных уездов России. Это позволяет проследить процесс постепенного введения в хозяйственный оборот не освоенных ранее земель.

При заселении и освоении уездов юга России появление новых населенных пунктов шло по берегам больших и небольших рек, которые давали воду для приготовления пищи, содержания скота и полива огородных культур. В сельской местности практически не имелось колодцев, а колодезных мастеров для их рытья и обеспечения гарнизонов водой на случай осады выписывали в новые города из староосвоенных. Такие специалисты были наперечет, и их использовали во многих крепостях на юге Российского государства. Однако для основной массы сельских земледельцев они были недоступны. Поэтому население южных уездов пользовалось открытыми водными ресурсами рек, речушек, ручьев, что ограничивало зону поселений.

Держать земельный надел на расстоянии больше одного дня поездки туда и обратно местное служилое население не имело возможности. Межречные плакорные пространства длительное время, а в некоторых случаях до XIX в., не использовались, оставаясь «Диким полем». Сенокосные угодья могли находиться несколько дальше пахотных угодий. Иногда они выносились за пределы укреплений в поле, что создавало угрозу плена при выезде на сенокос. Поэтому местное население не всегда могло их реально использовать в хозяйственной деятельности.

Важную роль в освоении Центрального Черноземья играли леса. Они использовались как строительный материал для изб, деревянных конструкций линий укреплений, охоты и бортного промысла. Так, особое место в Тамбовском крае занимал Цнинский бор, в Козловском уезде – лес по р. Воронеж. Основная часть лесов в уже освоенных уездах представляла собой заповедные места, куда доступ местному населению был закрыт, так как они применялись в качестве продолжения линий укреплений, а в некоторых лесах создавались засеки. Эти леса в XVII в. не использовались под пашню и хозяйственную деятельность. Расширение границ на юг в XVII в. привело к выходу освоенных территорий в степное пространство, где небольшие леса практически были сведены, и земля стала применяться под пашню.

После 1696 г., то есть взятия русскими войсками Азова, начался процесс освоения другой части юга Центрального Черноземья. Как мы увидим дальше, процесс продолжался примерно полтора столетия.

Распашка земель «Дикого поля»

Отсутствие достаточных данных земельных измерений по пограничной территории в XVII в. побудило к моделированию показателя распашки земель во всем Черноземном Центре на тот период. Для основы мы решили использовать данные Б. Н. Миронова о структуре природных угодий Европейской России по природным зонам. В тот период в лесостепной полосе, по его расчетам, доля пашни в природных угодьях равнялась 20%. Но это можно отнести только к территории севернее Белгородской черты. К югу от нее долгое время жить и пахать официально запрещалось. Но, как убедительно показано в исследованиях Ю. А. Мизиса и Д. А. Ляпина, на этой территории и в условиях запрета велась хозяйственная деятельность в виде освоения бортных ухажав, где, кроме добычи меда диких пчел, занимались охотой и рыбной ловлей (Ляпин, 2013; Мизис & Напольникова, 2022). Для этой части лесостепи XVII в. мы предлагаем 10% показатель минимальной экономической освоенности российскими людьми территории к югу от оборонительных линий.

Мы уже писали о появлениях «нелинейных» эффектов в политических и социальных аспектах освоения зоны южного русского фронта в XVII – первой половине XIX вв. (Канищев & Лямин, 2019). В данной статье внимание уделяется определению линейности и нелинейности в освоении природных ресурсов «Дикого поля».

В течение XVIII в. уровень распашки земель на севере и в центре бывшей окраинной зоны уже превысил удельный вес в пашни в старопахотном Центре страны. В южной части лесостепи распашка новых земель еще долго продолжалась. Но уже в середине XVIII в. этот показатель превысил 50%.

При изучении состояния природных ресурсов Воронежской и Тамбовской губерний конца XVIII в. мы опираемся на данные известного российского

статистика К. И. Арсеньева. Приводя сведения о количестве земли по Генеральному межеванию в Тамбовской губернии на 1797 г. (в пропорциональном отношении оно выглядело так: пашня – 40%, леса – 31%, луга и степи – 29%), он указывал на «самое равномерное распределение угодьев» в Тамбовской губернии в сравнении с другими губерниями черноземной зоны (Арсеньев, 1848, с. 399). Эти данные говорят о заметном преобладании, но еще не полном торжестве земледельческого направления развития сельского хозяйства.

Зафиксированная в Экономических примечаниях информация о некоторых сельских населенных пунктах типичных лесостепных Кирсановского, Козловского, Моршанского уездов Тамбовской губернии в конце XVIII в. с точной характеристикой используемых почв (естественная выборка) показала, что по 47 населенным пунктам имеются точные указания на характер используемых в земледелии почв. Почти 42 раза назван чернозем, в единичных случаях упоминаются иловатая земля, серые, песчаные и супесчаные земли (РГАДА, 1784-1789. Ф. 1354. Оп. 490.Ч.1; Ф. 1355. Оп.1599 (1). ДД. 1-162; Оп.1630. ДД.2-91; Оп.1631 (1). ДД. 84-187; Оп.1631 (2). ДД. 35-191; Оп.1641. ДД.40-94; Оп.1642. ДД.6-126). Ф. 1357. Оп.1. Д.269). Это говорит о том, что в течение первых полутора столетий освоения тамбовского участка «Дикого поля» население имело возможность использовать для земледельческих работ лучшие почвы. Особенно отметим то, что только 1 раз упомянуто использование суходолов. Земледельцы в конце XVIII в. имели еще достаточно земли в приречных районных и не уходили на сухие межречные пространства.

Table 1. Degree of plowing of lands of the Voronezh province uyezds in the late 18th century (according to the plans of the General survey)

Таблица 1. Степень распашки земель уездов Воронежской губернии в конце XVIII в. (по планам Генерального межевания)

Уезды	% распашки
Бирюченский	52
Бобровский	24
Валуйский	55
Воронежский	34
Задонский	59
Землянский	54
Коротоякский	49
Нижнедевицкий	53
Павловский	38

Ист.: Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1992.

Даже в самой южной части Центрального Черноземья, Воронежской губернии, к концу века был достигнут сравнительно высокий уровень

распашки недавнего «Дикого поля». По расчетам того же К. И. Арсеньева, уровень распашки в Воронежской губернии в конце XVIII в. был ненамного ниже, чем в Тамбовской – 36% (Арсеньев, 1848, с. 399).

Как видно из таблицы, составленной по данным известного воронежского краеведа того времени Е. Болховитинова, только в одном из девяти уездов губернии – Бобровском – было распахано менее 25% земли (Болховитинов, 1992).

В середине XIX в. земледельческая направленность освоения природных ресурсов зоны фронта определена окончательно. Ее можно изучить достаточно четко, поскольку в первой половине века стали появляться статистические издания, в которых содержались сведения социально-экономического характера, в т. ч. на губернском и уездном уровнях (Арсеньев, 1843); Военно-статистическое обозрение. Т.VI. Ч.5. Орловская губерния, 1850; Военно-статистическое обозрение. Т.XIII. Ч.1. Тамбовская губерния, 1851; Военно-статистическое обозрение. Т.XIII. Ч.2. Воронежская губерния, 1850; Военно-статистическое обозрение. Т.XIII. Ч.3. Курская губерния, 1850; Краткие записки к статистической таблице округа... 1823; Сборник статистических сведений о России. Кн.1, 1851).

Применительно к Тамбовской губернии картографические источники позволили провести сравнение показателей пашни периода Генерального межевания и межевания А. И. Менде. В Таблицу не включены земли северных уездов, не входивших в XVII в. в изучаемую зону, а также Тамбовского уезда, в большей части находившего к северу от Белгородской черты и в значительной части освоенного еще до ее строительства.

Table 2. Changes in the specific weight of arable land in the counties of Tambov Province in the late 18th - first half of the 19th century

Таблица 2. Изменения удельного веса пашни в уездах Тамбовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Уезд	Удельный вес пашни в %	
	Ген. меж	Меж. Менде
Борисоглебский	37	82
Кирсановский	57	80
Козловский	46	77
Лебедянский	59	79
Липецкий	54	76
Усманский	44	79

Источник: Данные рассчитаны авторами по планам межеваний средствами ГИС-технологий.

Таблица весьма очевидно показывает, что во всех лесостепных уездах Тамбовской губернии, территории которых были частями южнорусской

окраины XVII в., в первой половине XIX в. произошел рост пахотных угодий. Распашка более 70% экономистами-аграрниками XIX в. считалась чрезмерной. Поэтому с точки зрения нашей темы можно говорить, что в этой губернии «Дикого поля» почти не стало.

В Воронежской губернии в целом в 1859 г. распашка составила около 60%. (Воронежская губерния, 1865. С. XXXV). Во всех уездах этого региона было распаханно более 50% земли. (Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния, 1850. Табл. 2).

Это свидетельствует о том, что зона южного «внутреннего» фронта перестала быть приграничной территорией метрополии не только в смысле достижения ей однородного с коренной территорией Русского государства административного устройства, но в социально-экономическом смысле. Применительно к теме данной статьи это означает достижения тождественной степени распашки в сравнении со старопахотными землями.

Мы в своих исследованиях уже отмечали, что в процессе освоения «Дикого поля» к середине XIX в. стали наблюдаться признаки истощения черноземов (Канищев & Цинцадзе, 2005). Современные историко-почвоведческие исследования, проводимые в местах былых изысканий В. В. Докучаева в Центральном Черноземье, свидетельствуют о «тотальной распаханности земель в 19 веке» и начале их заметного истощения. (Салимгареева & Ковалев, 2015) Конечно, такие исследования требуют более широкого продолжения. Для данной статьи достаточна убедительная констатация того, что в XIX в. земледельческое освоение «Дикого поля» завершилась.

Данные Экономических примечаний к Генеральному межеванию по типичным лесостепным Кирсановскому, Козловскому, Моршанскому уездам Тамбовской губернии указывают на то, что среди животноводческих угодий выгоны уже конце XVIII в. составляли не более 30 тыс. дес., а покосы ок. 130 тыс. дес. (РГАДА, 1784-1789. Ф. 1354. Оп. 490.Ч.1; Ф. 1355. Оп.1599 (1). ДД. 1-162; Оп.1630. ДД.2-91; Оп.1631 (1). ДД. 84-187; Оп.1631 (2). ДД. 35-191; Оп.1641. ДД.40-94; Оп.1642. ДД.6-126). Ф. 1357. Оп.1. Д.269.

Традиционно тамбовские крестьяне косили траву на сено на заливных лугах, прилесных и лесных полянах, т.е. землях, неудобных для пашни. Пасти скот было наиболее выгодно в степи. Очевидно, что таких естественных пастбищных угодий к концу XVIII в. осталось мало. Если опираться на данные К. И. Арсеньева, получается, что степные пастбища в срединных уездах Тамбовской губернии составляли не более 7%. Но эти цифры были сравнительно немалыми. По данным И. Д. Ковальченко, в Тамбовской губернии в конце XVIII в. сенокосов было в 4,5 раза больше, чем в соседней Рязанской губернии (Ковальченко, 1959, с. 30-31).

Другими словами, условия для скотоводства в менее заселенной Тамбовской губернии были значительно лучше, чем в более старой по заселению Рязанской губернии. Это свидетельствует, что тамбовская территория сохраняла в тот период заметные черты степного «Дикого поля».

Исследование состояния природных ресурсов «Дикого поля» в середине XIX в. показало, что пашенное земледельческое направление развития сельского хозяйства во всех регионах Юга Центральной России, в т. ч. в Воронежской губернии, явно возобладало. (Жуков, Канищев & Лямин, 2016).

Учитывая раскорчевку леса под пашню, массовую вырубку деревьев на строительство и, так сказать, текущий ремонт оборонительных линий и крепостей в XVII в., развитие всевозможных деревообрабатывающих промыслов, можно сказать, что лесные угодья периода Генерального межевания – это остатки девственных лесов, существовавших до середины XVII в. Долю лесов, выведенных в процессе хозяйственной деятельности человека, еще предстоит изучить. Но уже сейчас можно утверждать, что в процессе освоения «Дикого поля» лесные ресурсы этой территории существенно сократились под воздействием антропогенного фактора. (Южная часть Тамбовской губернии потеряла небольшие леса и перелески. Северная часть практически сохранила основные лесные массивы: Цнинский и Челнавский леса, лес по р. Лесной Воронеж, Мещерские леса). На конкретном историческом и картографическом материале подтвержден тезис об усилении человеческим фактором мозаичности лесных участков в Центрально-Черноземной лесостепи, возникшей в «дикий» природе (Жиров, Канищев & Баранова, 2014).

В конце XVIII в. заметными явлениями в зоне «Дикого поля» стали не только широкая распашка земель, но даже изменения в естественном состоянии водоемов, растительного и животного мира (Канищев, 2011).

Демографические процессы в зоне фронта

Помимо непосредственной распашки земли, необходимо обращать внимание на демографическую нагрузку на земельные угодья. Ведь распашка имела целью производство продуктов для людей. В условиях российского экстенсивного земледелия рост населения неизбежно вел к увеличению масштабов пахотных участков.

В конце XVII – начале XVIII в., после взятия Азова, шел процесс освоения южных территорий междуречья Волги и Дона. Уже во многих старых селах южных уездов наблюдалось перенаселение и нехватка удобной земли под пашню. Поэтому при заселении новых сел южнее Белгородской и Тамбовской черт значительная часть населения переходила из населенных пунктов этих же уездов. Это были дворцовые, монастырские крестьяне, а также однодворцы, то есть бывшие служилые люди.

Процесс освоения южной части Центрально-Черноземного района в основном молодыми переселенцами давал быстрый рост населения. По подсчетам Я. Е. Водарского, к 1678 г. здесь проживало 910 тыс. чел. (Водарский, 1977, с. 167).

В середине XVII в. в Козловском уезде насчитывалось 68 поселений: 1 город, 2 жилых городка, 65 слобод, сел и деревень, 3435 дворов жилых и

381 – пустых (Загоровский, 1969). Всего в уезде проживали 13300 человек мужского пола. По концентрации населения еще выделялись Турмасовский и Иловайский станы, расположенные в центре уезда, подальше от линии укреплений, и потому более безопасные. В них проживало 19% и 27% всего населения уезда, соответственно. К 1675 г. в уезде появилось только пять новых населенных пунктов: с. Крутое, д. Бычки на р. Верде, с. Ягодное на р. Паре, с. Ягодное на р. Ягодная Ряса, с. Хоботец – все в пределах Черты. Численность населения росла за счет бурного естественного прироста.

Такая же ситуация наблюдалась в Тамбовском уезде. К середине 1670-х годов XVII в. завершился процесс заселения уезда в сложившихся границах. Он включал 85 населенных пунктов, из которых 50 поселений (более 60 %) принадлежали дворцовым крестьянам, 16 поселений (10 %) – служилым людям и остальные – монастырям и помещикам. Общая численность мужского населения составляла 19,5 тысячи человек. Из них 11,5 тысяч (59 % от общего числа) – дворцовые крестьяне, а 6655 человек (34 %) – служилые люди (РГАДА, 1676).

Тамбовский и Козловский уезды по численности населения в те годы значительно превосходили все пограничные уезды южной окраины. Плодородные земли, мощная оборонительная черта и Цнинский лес, создавшие безопасную зону, привлекали значительные массы населения, обеспечили благоприятные условия для быстрого заселения Тамбовского края.

Форпостами русской правительственной колонизации в конце XVII – начале XVIII в. в зоне южного русского пограничья стали новые крепости Борисоглебск (основан в 1696 г. как Павловск), Павловск (основан в 1709 г., первоначально называлась Осередом), Новохоперск (1716 г.). Временная утрата Азова (с 1710 по 1736 гг. он вновь принадлежал Турции) не остановила заселение новых земель. Правительство Петра I создало новую систему укреплений. Неподалеку от столицы донского казачества Черкасского городка была построена крепость Транжемент. В междуречье Дона и Волги в 1718-1720 гг. русские строители соорудили Царицынскую линию, а позднее – Украинскую линию. Все эти мероприятия создали надежный заслон на пути потенциального противника и позволили продолжить освоение юга России.

Поэтому в начале XVIII в. в зоне южного «внутреннего» фронта произошел заметный рост численности населения. В Центральном Черноземье, по данным 1-ой ревизии 1719 г., оно составило свыше 1642 тыс. чел., т. е. выросло более чем на 70% (Водарский, 1977, с. 167).

Особенно заметный рост населения шел в Козловском и Тамбовском уездах, где широко осваивались «дикие» земли к югу от недавней Белгородской черты.

Первые новые села и деревни стали возникать за чертой на реках Лесной Тамбов, Липовица, Кариан, Керша. Писцовая книга Тамбовского уезда 1704 г. упоминает 25 таких поселений служилых людей и дворцовых крестьян (РГАДА, 1704). Большинство переселенцев (около 500 человек, или 62 процента всех

мигрантов) переехали из Козловского и Тамбовского уездов, другие пришли из соседних Переяславль-Рязанского, Ефремовского, Шацкого и некоторых других уездов.

В 1714 г. в Тамбовском уезде насчитывалось 102 селения, в 1722 г. – 122, а в 1745 г. – 194. За четыре десятилетия наблюдалось почти двойное увеличение селитебных мест. Это произошло главным образом за счет новых территорий, где возникли Завальный и Залесский станы, станы по рекам Вороне и Савале, вотчины князя А. Д. Меншикова и монастырей.

В Козловском уезде к концу проведения 1-й ревизии в 1722 г. насчитывалось 107, а в 1744 г. – 132 поселения. Новые села возникли на реках Матыра, Сурена, Битюг, Токае – все к югу от Черты.

Еще одной естественно-исторической причиной активного переселения населения на новые южные земли явились неурожайные годы первой половины XVIII в. В 1722, 1733 – 34 гг. неурожай имели общероссийский масштаб. Местные неурожай наблюдались в 1721, 1723, 1724, 1726, 1731, 1732, 1735, 1739, 1740 – 1741 гг. (Соловцов, 1858).

Рост численности населения в зоне недавней южнорусской окраины в период между 1 – 3-й ревизиями шел медленно, с 3-й ревизии он пошел гораздо быстрее по сравнению со староосвоенными территориями (Кабузан, 1971, с. 23). При этом большую часть населения Воронежской и Тамбовской губерний вплоть до 5-й ревизии по Тамбовской губернии (1796 г.) составляли однодворцы (бывшие служилые люди), которые изначально были наиболее активной частью переселенцев в зону 1-го южного русского фронта (Переписи населения России, 1972, сс. 26–28, 30–32).

Важнейшей предпосылкой демографического развития является формирование сети населенных пунктов. Развитие сельской поселенной сети Тамбовского региона в XVII – первой половине XIX в. проявилось в заметном росте числа населенных пунктов со 121 в середине XVII в. до 329 в середине XVIII в. и 1600 в середине XIX в. Рост числа поселений был связан с широким заселением межречных пространств (плакоров) (Аврех и др., 2000). С учетом социоестественной направленности данной статьи вслед за известными почвоведомы подчеркнем, что это было освоение последних остатков ресурса «Дикого поля» (Ковалева и др., 2017, с. 132).

Воронежский уезд начал формироваться еще в конце XVI в. и окончательно сложился в 1613 г. По данным писцовых описаний в 1627 – 1629 гг., в нем насчитывалось 24 села, 30 деревень, 20 починок с численностью дворов – 1483, по книгам 1646 г.: 32 села, 27 деревень и 3 починок, с численностью дворов – 2512 (Камараули, 2018, с. 100–101).

Другими словами, количество поселений даже сократилось, но особенно росли крупные села и число дворов жителей уезда, соответственно, численность населения.

Сопоставление данных подворных переписей о поселениях Воронежского уезда середины XVII в. с картами А. М. Вильбрехта 1770-х гг. показало,

что в течение столетия на этом участке в зоне недавнего «Дикого поля» появилось как минимум 36 новых поселений. Если учесть появление новых уездов, таких как Бобровский – 37 поселений, Острогожский – 32, Павловский – 31, Богучарский – 39, то только на этих землях возникло более 175 новых сельских поселений. За столетие прошел широкий рост заселения и освоения новых территорий.

К концу рассматриваемого периода, в 1850-е гг., на территории Воронежской губернии находилось 1880 поселений (более половины за пределами территории Воронежского уезда в границах XVII в.) Рост числа поселений по сравнению с 1770-ми гг. составил свыше восьми раз. Такое увеличение было возможно только в результате основания новых сел и деревень в середине XVIII – середине XIX в. на вновь распаханых участках «Дикого поля».

Во второй половине XVIII в. в Тамбовской губернии шел рост размеров сел. К концу века некоторые из них оказались явно перенаселенными, возник своего рода кризис поселенческой сети. Одним из последствий этого кризиса стала нехватка земельных угодий и повышенная нагрузка на уже включенные в хозяйственный оборот участки бывшего «Дикого поля».

Пути выхода из этого кризиса были специально изучены на материалах нескольких сел Тамбовского уезда. Выселение из очень крупных, перенаселенных сел шло либо на ближайшие земли, либо в сравнительно отдаленные южные, наименее освоенные части губернии, которые фактически являлись остатками «Дикого поля».

В качестве примера первого варианта мы выбрали факт выделения из с. Загряжское (Кариан, Знаменское) деревень Измайловка, Малая и Большая Александровка, Ивановка. За первую половину XIX в. население села вместе с новыми деревнями выросло – с 999 чел. до 2896 чел. При этом с 42 тыс. до 124 тыс. дес. выросли пахотные угодья знаменского имения помещиков Загряжских. В самом Знаменском население выросло в 1,5 раза (Канищев & Кунавин, 2021; РГАДА, 1784-1789. Ф. 1354. Оп. 490. Ч.1; Ф. 1355. Оп.1599 (1). ДД. 1-162; Оп.1630. ДД.2-91; Оп.1631 (1). ДД. 84-187; Оп.1631 (2). ДД. 35-191; Оп.1641. ДД.40-94; Оп.1642. ДД.6-126. Ф. 1357. Оп.1. Д.269). Значит, прирост населения во всем имении наполовину произошел за счет новых поселений, жители которых распахали значительные по размеру новые земли в зоне «Дикого поля».

Второй вариант проявился в государственном селе Бокино. Возможности роста его земельных владений были ограничены уже в XVIII в., поскольку жившие в поселении служилые люди изначально в XVII в. получили максимально возможные наделы на нераспаханной территории. Рядом с Бокино размещался ряд населенных пунктов служилых людей, получивших свои земельные наделы. В XVIII в. число жителей Бокино выросло в 2 раза. Дальнейшее расширение пахотных угодий было невозможно ввиду существования вокруг чужих земельных дач. В условиях нехватки земли рост населения села вел к аграрному перенаселению. Поэтому крестьяне села в начале XIX в. были переселены на свободные государственные земли в южной части Тамбовской

губернии, которые фактически, с почвоведческой точки зрения, оставались частью «Дикого поля» (Канищев & Крестинина, 2002).

Дополнение данных планов Генерального межевания Тамбовского уезда результатами съемок с беспилотных летательных аппаратов позволило уточнить первоначальное расположение дач в южных окрестностях Тамбова (в зоне Тамбовского вала) с точки зрения вместимости природной среды для основания новых аграрных поселений и убедиться в том, что в конце XVIII в. «экологическая ниша» уже существовавших поселений (Бокино и соседних сел) была переполнена (Канищев и др., 2020).

Затем шёл характерный для недавней окраины процесс вторичного заселения. Многие первые поселения как тамбовского, так и соседних регионов, основанные к северу от черты и других оборонительных сооружений, к концу XVIII в. оказались перенаселенными и стали давать «выбросы» во вновь осваиваемую южную часть губернии. Одновременно шло заселение южной части тамбовской и юго-восточной части воронежской лесостепи столичными помещиками, получавшими земельные пожалования от Екатерины II и Павла I.

Для понимания человеческой нагрузки на земельные ресурсы и в какой-то мере заселенности зоны фронта и освоения «Дикого поля» показателем является плотность населения.

Результаты наших исследований изменения плотности населения в процессе фрактального моделирования процесса освоения южнорусского фронта как части «Дикого поля» показали: можно говорить о том, что территории, заселенные севернее оборонительных черт, до конца XVII в. были примерно втрое менее населенными в сравнении со старомосковским Центром России. Территории южнее линий обороны только начинали заселяться и имели плотность почти в 10 раз меньше северных земель этой зоны. Фактически они на 90 с лишним процентов оставались не заселенной территорией.

В середине XVIII в. почти все уезды тогдашних Белгородской и Воронежской губерний, в значительной части совпадавшие с зоной южного русского фронта, за исключением некоторых юго-восточных воронежских уездов, на 80-90% соответствовали плотности населения метрополии. Они явно перестали быть «Диким полем».

Б. Н. Миронов, рассчитав динамику плотности населения в Воронежской и Тамбовской губерниях в 1719-1795 гг., отметил рост этого показателя в 4 и 2 раза соответственно. (Миронов, 2000, с. 45; 2010, с. 336-367).

Эти цифры говорят о наиболее плотном заселении Воронежской губернии, которая в XVIII в. в своей значительной части оставалась «Диким полем» (речь может идти о южной половине, северная уже давно не была диким полем). Для определения плотности населения изучаемых губерний в середине XIX в. мы опирались на 1-ую часть Сборника статистических сведений о России, 1851. В этом издании приведены данные П. И. Кеппена о категориях губерний России по степени населенности: 1) «сильно насе-

ленные» свыше 30 чел. на кв. км, 2) «с средним населением» (15–30 чел. на кв. км), 3) «бедно населенные» (менее 15 чел. на кв. км). В соответствии с этими данными, большинство губерний, относимых нами к зоне южного русского фронта, наряду с регионами старомосковского центра страны попали в группу самых населенных.

Только Воронежская губерния, располагавшаяся на самом юге рассматриваемого нами региона, попала в разряд посредственных. При этом ее отличие от большей части «сильно населенных» территорий составляло всего 1–5 чел. на кв. км. Сравнение же Воронежской губернии с юго-восточными соседями (Саратовской губернией и областью Войска Донского) показывает преимущество в плотности населения перед ними в 3–6 раз. Именно к этим последним относится утверждение авторов статистического издания:

«Слабость же населения юга и юго-востока объясняется частью историческими причинами, частью физическими особенностями местности. Эти страны, позже других успокоившиеся от Татарского движения, долго представляли необозримые, безлюдные степи, и начало их заселения, можно сказать, еще в свежей памяти» (Сборник статистических сведений о России. Кн.1., 1851).

Другими словами, в этой цитате речь шла о тех территориях, которые и в середине XIX в. сохраняли признаки «Дикого поля». Но эти земли находились за пределами южного русского фронта, возникшего в XVII в.

Заключение

Рассмотренные в статье вопросы позволили полнее раскрыть мало изученные вопросы истории южного русского фронта. Мы попытались конкретизировать понимание этого термина как осваиваемой территории. Изучение «Дикого поля» в социоестественном аспекте дало возможность точнее представить процесс расселения русских колонистов в девственной лесостепной среде, масштабы распашки целинных черноземных почв, нарастания антропогенной нагрузки на природные ресурсы этой зоны.

Представленные в статье итоги освоения одного из участков «внутреннего» фронта показали, как и когда эта территория «слилась» со старопатриотным центром коренной территории метрополии.

Превращение пограничного «внутреннего» южного русского фронта в значительную часть Центра России заняло почти два столетия. Распашка Поля позволила ввести в хозяйственный оборот ценнейший ресурс – русский чернозем, в котором Русское государство особо нуждалось в XVII в. Позволим себе заявить, что богатство России в XVIII – XIX вв. прирастало не только Сибирью, но и лесостепными черноземами Европейской части страны.

Вместе с тем, как показало изучение темы с социоестественных позиций, к середине XIX в. наметились признаки истощения черноземных почв этой пограничной территории. В данной статье мы только поставили вопрос о необходимости более широкого и тщательного изучения воздействия антро-

погенного фактора на почвы в ходе освоения одного из участков «внутреннего» фронта. При этом сведения о населении и земельных ресурсах этой территории в дальнейшем мы планируем представить в виде геоинформационной системы.

В эвристическом плане было полезным изучение сочетания линейных и нелинейных эффектов в освоении «Дикого поля». Постепенное движение государственных границ в его глубину сочеталось со стремлением земледельцев, охотников, рыболовов, бортников осваивать ценные ресурсы Поля «оперед» государства.

Еще одно необычное явление показали совместные исследования тамбовских историков и почвоведов МГУ, в ходе которых выяснилось, что земледельческое освоение территорий к югу от Тамбова началось задолго до строительства здесь крепости и оборонительного вала. Анализ почвенных проб, взятых под Тамбовским валом, свидетельствует о наличии там земли, которая распаивалась многие десятилетия (Канищев и др, 2012). При проведении археологических работ на Урляповом вале Козловского участка Белгородской черты в 2021 г. А. Н. Голотвиным культурного слоя не обнаружили. Дальнейшие работы почвоведов вновь подтвердили наличие распаиванных участков еще в ранний средневековый период задолго до строительства укреплений (Голотвин, 2021).

Вполне вероятно, освоение «Дикого поля» в XVII – первой половине XIX вв. было не первым «вторжением» земледельцев в Центральное Черноземье. Выявление более ранних этапов земледельческого освоения этого региона ввиду практического отсутствия письменных источников до XVI – XVII вв. требует новых методов исследования.

В завершение данной статьи отметим, что ее материалы в очередной раз подтвердили идею основоположника социоестественной истории Э. С. Кульпина-Губайдуллина о том, что социоисторические процессы, протекавших на границе леса и степи в специфической зоне Восточной Европы, были частью многовековой борьбы земледельцев и кочевников за черноземы – самые плодородные земли Евразии (Канищев, 2017).

Список литературы

- Аврех, А. Л., Есиков, С. А., Канищев, В. В., Мизис, Ю. А., & Протасов, Л. Г. (2000). Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (17-20 вв.). Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX-XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, 3–16.
- Арсеньев, К. (1843). *Статистические очерки России*. Типография Императорской Академии наук.

- Баева, Л. В. (2014a). Зона северного Прикаспия и нижнего Поволжья как фронт: Классификация и характеристика. *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции*, 54–62.
- Баева, Л. В. (2014b). Типология и проблемы изучения южнороссийского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: философия. социология и социальные технологии*, 2, 32–38.
- Белаш (Замятина), Н. Ю. (1997). Образ фронта в США и России. В *Американский и сибирский фронт* (с. 37–44). Издательство Томского государственного университета.
- Болховитинов, Е. (1992). *Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии*. Издательство им. Е. А. Болховитинова.
- Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение)*. Наука.
- Военно-статистическое обозрение: Т. VI. Ч. 5. Орловская губерния. (1850a). Типография Департамента Генерального штаба.
- Военно-статистическое обозрение: Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. (1851). Типография Департамента Генерального штаба.
- Военно-статистическое обозрение: Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. (1850b). Типография Департамента Генерального штаба.
- Военно-статистическое обозрение: Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. (1850c). Типография Департамента Генерального штаба.
- Голотвин, А. Н. (2021). *Отчет о проведении научно-исследовательских работ по определению границ города-крепости Добрый, города-крепости Козлов, раскопок АОАН «Урляпов вал Козловского участка Белгородской черты»* (с. 58–65).
- Дубман, Э. Д. (1999). *Промышленное предпринимательство и освоение понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв.* Издательство Самарского университета.
- Дубман, Э. Д. (2012). *Поволжский фронт в середине XVI – XVIII в. Очерки истории*. Издательство Самарского университета.
- Жиров, Н. А., Канищев, В. В., & Баранова, Е. В. (2014). Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни). *История и современность*, 2, 92–111.
- Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2016). Моделирование взаимодействия природы и общества земледельческих регионов во второй половине XIX века средствами фрактальной геометрии: Экофрактал-2. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 21(12), 151–167. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12\(164\)-151-167](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-151-167)
- Загоровский, В. П. (1969a). *Белгородская черта*. Издательство Воронежского университета.
- Загоровский, В. П. (1969b). Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация. *Из истории Воронежского края*, 3, 84–93.
- Загоровский, В. П. (1969c). Формирование и заселение Козловского уезда в XVII веке. *Из истории Воронежского края*, 3, 94–117.
- Загоровский, В. П. (1987). Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма. В *История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма* (с. 3–23). Издательство Воронежского университета.

- Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, 5, 75–89.
- Ивина, Л. И. (1985). *Внутреннее освоение земель в XVI в.* Наука. Ленинградское отделение.
- Ильиных, В. А. (2022). Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: От постфронтанга к хартленду. *Журнал Фронтальных Исследований*, 7(4), 24–41. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365>
- Кабузан, В. М. (1971). *Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половины XIX в.* Наука.
- Камараули, Е. В. (2018). Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (На примере Воронежского уезда). *История: Факты и символы*, 3, 100–101.
- Канищев, В. В. (2011). Соотношение «дикий» и измененной человеком природы в Тамбовской губернии конца XVIII в. *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*, 2, 242–246.
- Канищев, В. В. (2017). Э.С. Кульпин-Губайдуллин – инициатор изучения социоестественной истории Среднерусской лесостепи. В Н. О. Ковалевой, С. К. Костовска, А. С. Некрич, & О. А. Салимгареевой (Ред.), *Человек и природа. Материалы XXVII Международной междисциплинарной конференции «Проблемы социоестественных исследований» и Международной междисциплинарной молодежной школы «Стратегии экологической безопасности»* (с. 50–53). МАКСПресс.
- Канищев, В. В. (2018). Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Тамбовской губернии). *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология*, 45(2), 318–325. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325>
- Канищев, В. В., Баранова, Е. В., & Жиров, Н. А. (2015). Результаты моделирования историко-географического районирования (на материалах Юга Центральной России XVII–XVIII вв.). *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*, 1, 89–108.
- Канищев, В. В., Ковалева, Н. О., & Ковалев, И. В. (2012). Историческое почвоведение Тамбовской области: Первые результаты исследований. *Вестник Тамбовского университета. Серия: естественные и технические науки*, 17(6), 1541–1547.
- Канищев, В. В., & Крестинина, Т. Ю. (2002). Демо-экологическая история пригородного села в XVII–XX вв. (С. Бокино Тамбовского района). *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.)*, 110–115.
- Канищев, В. В., & Кунавин, К. С. (2021). Измерение площадей природных угодий русских имений конца XVIII – первой половины XIX в. Средствами ГИС-технологий. *Историческая информатика*, 3, 86–192. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.3.36317>
- Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2019). Нелинейные эффекты в процессе освоения зоны южного русского фронта в XVII – первой половине XIX вв. *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*, 6, 500–503.
- Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2022). Фронтальные корни демографической устойчивости современных крупных русских поселений юга европейской части России. *Журнал Фронтальных Исследований*, 7(3), 153–177. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.364>

- Канищев, В. В., Лямин, С. К., & Кунавин, К. С. (2020). Расселенческие процессы конца XVIII – первой половины XIX в. В аграрном регионе как антропогенное воздействие на природную среду. *Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология*, 30(4), 589–597. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-4-589-597>
- Канищев, В. В., & Цинцадзе, Н. С. (2005). Экологический аспект крестьянской реформы 1861 г. *История и современность*, 2, 64–79.
- Ковалев, И. В. (2021). *Отчет о проведении почвоведческих работ на местах археологических раскопок города-крепости Добрый, города-крепости Козлов, раскопок ВОАН «Урляпов вал» Козловского участка Белгородской черты». Научный архив Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.*
- Ковалева, Н. О., Канищев, В. В., Ковалев, И. В., & Самохина, О. И. (2017). Антропогенная эволюция ландшафтов Тамбовской области в историческое время. *Вестник Тамбовского университета. Серия: естественные и технические науки*, 22(1), 126–135. <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-1-126-135>
- Ковальченко, И. Д. (1959). *Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства)*. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерала-адъютанта Балашова. (1823). Типография С. Селивановского.
- Ляпин, Д. А. (2013). *На степном пограничье: Верхний Дон в XV – XVII веках*. Типография.
- Мизис, Ю. А. (2013). Бортные ухажья как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI–XVII вв. *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*, 10, 80–85.
- Мизис, Ю. А., & Напольникова, П. К. (2022). *На южных рубежах Московского государства. Часть 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI – XVII в. (До 1635 г.)*. Издательский дом «Державинский».
- Миронов, Б. Н. (2000). *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. В 2 томах (Т. 1). Дмитрий Булавин.
- Миронов, Б. Н. (2010). *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века*. Новый хронограф.
- Напольникова, П. К. (2017). *Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]*. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.
- Переписи населения России. Выпуск VI. (1972). б. и.*
- Преображенский, А. А. (1956). *Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в.* Издательство Академии наук СССР.
- Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. ИД «Сова».
- Романова, А. П., Топчиев, М. С., & Саракаева, Э. А. (2013). Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронта (сравнительный анализ). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 298–304.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). (1676). Ф. 210. Стб. Приказного стола. Д. 214; Ф. 394. Д. 3553.

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). (1704). Ф. 1209. Д. 1142.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). (1784). Ф. 1354. Оп. 490.Ч.1; Ф. 1355. Оп.1599 (1). ДД. 1-162; Оп.1630. ДД.2-91; Оп.1631 (1). ДД. 84-187; Оп.1631 (2). ДД. 35-191; Оп.1641. ДД.40-94; Оп.1642. ДД.6-126). Ф. 1357. Оп.1. Д.269.
- Салимгареева, О. А., & Ковалев, И. В. (2015). По следам экспедиции Докучаева. Труды Института экологического почвоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 15, 60–69.
- Сборник статистических сведений о России. Книга 1. (1851). б. и.
- Скобелкин, О. В. (2011). Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. Из истории Воронежского края, 18, 77–88.
- Скобелкин, О. В. (2013). Служилые люди южного фронта: Особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 1, 58–65.
- Соловцов, И. А. (1858). Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России. В Сборник статистических сведений о России. Книга III (с. 467–473). б. и.
- Список населенных мест Воронежской губернии по сведениям 1859 года. (1865). Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Список населенных мест Тамбовской губернии на 1862 год. (1866). Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Степанова, Л. Г. (2020). Освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в.: Структурно-формирующие факторы расселения. В Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (с. 72–81). Издательско-полиграфический центр «Научная книга».
- Степанова, Л. Г. (2022). Генеральное межевание и земельное освоение южных территорий Российской империи во второй половине XVIII – XIX в. Кубанский государственный университет.
- Тарасов, Ю. М. (1984). Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Наука.
- Федина, И. М. (2022а). Землеустройство и межевание в Закубанских станицах (1860-е гг.). Научная мысль Кавказа, 1, 83–89.
- Федина, И. М. (2022б). Поселенческое микро моделирование Восточного Причерноморья: Российский опыт региональной политики XIX столетия. Кубанский государственный университет.
- Ходарковский, М. (2019). Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. Новое литературное обозрение.
- Шульгин, М. М. (1928). Землеустройство и переселения в России в XVIII – первой половине XIX в. Московский межевой институт.
- Шунков, В. И. (1946). Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. Академия наук СССР.
- Южный и юго-восточный фронт России в XVI – XVIII века: Очерки истории. (2024). «Альтаир».
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий. Человек. Сообщество. Управление, 2, 4–15.

Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2010). Американский фронт и российские аналоги на Нижней Волге. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1, 109–115.

Ямзин, И. Л., & Вошинин, В. В. (1926). *Учение о колонизации и переселениях*. Государственное издательство.

References

- Arseniev, K. (1843). *Statistical sketches of Russia*. Tipography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Avrekh, A. L., Esikov, S. A., Kanishev, V. V., Mizis, Y. A., & Protasov, L. G. (2000). Formation and Development of Rural Populated Areas (RPAs) of the Tambov Region (17th-20th centuries). *Peculiarities of Russian agriculture and settlement problems of the 9th-20th centuries. XXVI Session of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe*, 3–16. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2014b). The Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2014a). The zone of the Northern Pre-Caspian and Lower Volga regions as a frontier: Classification and characterization. *Borders and Borderland in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, 54–62. (In Russian).
- Belash (Zamyatina), N. Y. (1997). The image of the frontier in the USA and Russia. In *American and Siberian frontier* (pp. 37–44). Tomsk State University Publishing House. (In Russian).
- Bolkhovitinov, E. (1992). *Historical, geographical and economic description of Voronezh Province*. Publishing house named after E. A. Bolkhovitinov. (In Russian).
- Brief notes to the statistical table of the district entrusted to the supervision of Adjutant-General Balashov*. (1823). Tipography of S. Selivanovskogo. (In Russian).
- Censuses of the population of Russia. Issue VI*. (1972). n. p. (In Russian).
- Collection of statistical information about Russia. Book 1*. (1851). n. p. (In Russian).
- Dubman, E. D. (1999). *Fishery entrepreneurship and development of the lower Volga region in the late 16th – 17th centuries*. Samara University Publishing House. (In Russian).
- Dubman, E. D. (2012). *Povolzhsky frontier in the middle of the 16th – 18th centuries. Sketches of history*. Samara University Publishing House. (In Russian).
- Fedina, I. M. (2022a). Land management and land surveying in the Zakuban stanitsa (1860s). *Scientific Thought of the Caucasus*, 1, 83–89. (In Russian).
- Fedina, I. M. (2022b). *Settlement micromodeling of the Eastern Black Sea region: Russian experience of regional policy of the 19th century*. Kuban State University. (In Russian).
- Golotvin, A. N. (2021). *Report on research work to determine the boundaries of the fortress town Dobryi, fortress town Kozlov, excavations of the AOAS “Urliapov Val Kozlov section of the Belgorod line”* (pp. 58–65). (In Russian).
- Ilinykh, V. A. (2022). The Agrarian Development of Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: from Post-Frontier to Heartland. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 24–41. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365> (In Russian).
- Ivina, L. I. (1985). *Internal land development in the 16th century*. Nauka. Leningrad Branch. (In Russian).

- Kabuzan, V. M. (1971). *Changes in the distribution of Russia's population in the 18th – first half of the 19th century*. Nauka. (In Russian).
- Kamarauli, E. V. (2018). Formation of settlement structure in the southern uyezds of Russia in the first half of the 17th century (On the example of Voronezh uyezd). *Istoriya: Fakti i simvoli*, 3, 100-101. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2011). The ratio of “wild” and human-altered nature in Tambov Province at the end of the XVIII century. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*, 2, 242-246. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2017). E.S. Kulpin-Gubaidullin is an initiator of the study of socio-natural history of the Central Russian forest-steppe. In N. O. Kovalevov, S. K. Kostovska, A. S. Nekrich, & O. A. Salimgareevoy (Eds.), *Human and Nature. Proceedings of the XXVII International Interdisciplinary Conference “Problems of Social and Natural Research” and the International Interdisciplinary Youth School “Strategies of Ecological Safety”*. (pp. 50-53). MAKSPress. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2018). Overcoming Social Specificity of the Population of the Southern Russian Frontier at the end of XVIII – First Half of XIX Century (on Materials of Tambov Province). *Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science*, 45(2), 318-325. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325> (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Krestinina, T. Y. (2002). Demo-ecological history of a suburban village in the 17th – 20th centuries (Bokino village, Tambov district). *Social History of the Russian Province in the Context of Modernization of Agrarian Society in the 18th – 20th Centuries*, 110-115. (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Kunavin, K. S. (2021). GIS Measurement of Nobility's Lands in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries. *Historical Informatics*, 3, 86-192. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.3.36317> (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2019). Nonlinear effects in the process of development of the southern Russian frontier zone in the 17th – first half of the 19th centuries. *Rus, Rossiya: Srednevekovye i Novoe vremya*, 6, 500-503. (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2022). Frontier Roots of Demographic Stability of Large Modern Russian Settlements in the South of the European Part of Russia. *Journal of Frontier Studies*, 7(3), 153-177. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.364> (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Tsintsadze, N. S. (2005). Ecological aspect of the peasant reform of 1861. *History and Modernity*, 2, 64-79. (In Russian).
- Kanischev, V. V., Baranova, E. V., & Zhirov, N. A. (2015). The Results of Modeling of Historical and Geographical Regionalization (On Materials of South-Central Russia in 17th – 18th Centuries). *Tambov University Review: Series Humanities*, 1, 89-108. (In Russian).
- Kanischev, V. V., Kovaleva, N. O., & Kovalev, I. V. (2012). Historical Soil Science of Tambov Region: First Results of Researches. *Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences*, 17(6), 1541-1547. (In Russian).
- Kanischev, V. V., Lyamin, S. K., & Kunavin, K. S. (2020). Resettlement an a Rural Region in the Late 18th and Early 19th Century as an Anthropogenic Impact on the Environment. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 30(4), 589-597. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-4-589-597> (In Russian).
- Khodarkovsky, M. (2019). *Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800*. New Literary Review. (In Russian).

- Kovalchenko, I. D. (1959). *Peasants and serf economy of Ryazan and Tambov provinces in the first half of the 19th century (To the history of the crisis of the feudal-serfdom system of economy)*. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Kovalev, I. V. (2021). *Report on soil science works at the sites of archaeological excavations of the fortress city Dobryi, fortress city Kozlov, excavations VOAN "Urliapov Val" Kozlovsky section of the Belgorod line*". Scientific Archive of I.A. Bunin Elets State University. (In Russian).
- Kovaleva, N. O., Kanischev, V. V., Kovalev, I. V., & Samokhina, O. I. (2017). Anthropogenic Evolution of Landscapes of Tambov Region in Historical Time. *Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences*, 22(1), 126–135. <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-1-126-135> (In Russian).
- List of populated places of Tambov province for 1862. (1866)*. Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian).
- List of populated places of Voronezh province according to the data of 1859. (1865)*. Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2013). *On the steppe frontier: Upper Don in the 15th – 17th centuries*. Typography. (In Russian).
- Military Statistical Review: Vol. VI. Part. 5. Orel province. (1850a)*. Printing Office of the General Staff Department. (In Russian).
- Military Statistical Review: Vol. XIII. Part. 1. Tambov Province. (1851)*. Printing Office of the General Staff Department. (In Russian).
- Military Statistical Review: Vol. XIII. Part. 2. Voronezh Province. (1850b)*. Printing Office of the General Staff Department. (In Russian).
- Military Statistical Review: Vol. XIII. Part. 3. Kursk Province. (1850c)*. Printing Office of the General Staff Department. (In Russian).
- Mironov, B. N. (2000). *Social History of Russia in the Period of Empire (18th - beginning of the 20th centuries)*. In 2 volumes (Vol. 1). Dmitry Bulavin. (In Russian).
- Mironov, B. N. (2010). *Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th – early 20th centuries*. Noviy khronograf. (In Russian).
- Mizis, Y. A., & Napolnikova, P. K. (2022). *On the southern borders of the Moscow state. Part 1: History of settlement and development of Tambov and Kozlovsky uyezds of the 16th - 17th century (Before 1635)*. Derzhavinsky Publishing House. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2013). *Bortni Lands as Form of Settling and Developing of Russia's Southern Frontier Area in 16th – 17th Centuries*. *Tambov University Review: Series Humanities*, 10, 80–85. (In Russian).
- Napolnikova, P. K. (2017). *Tsninskaya mordva. Incorporation into the Moscow State in the 16th – first quarter of the 17th century [PhD Thesis]*. Derzhavin Tambov State University. (In Russian).
- Preobrazhensky, A. A. (1956). *Sketches of colonization of the Western Urals in the 17th - early 18th centuries*. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Rezun, D. Y., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th – early 20th centuries: Frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Sova Publishing House. (In Russian).
- Romanova, A. P., Topchiev, M. S., & Sarakaeva, E. A. (2013). *Intercultural Communication on the Frontier 67 and beyond Frontier (Comparative Analysis)*. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 3, 298–304. (In Russian).

- Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). (1676). F. 210. Stb. *Prikaznogo stola*. C. 214; F. 394. C. 3553. (In Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). (1704). F. 1209. C. 1142. (In Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). (1784). F. 1354. In. 490. *Part 1*; F. 1355. In. 1599 (1). CC. 1-162; In. 1630. CC. 2-91; In. 1631 (1). CC. 84-187; In. 1631 (2). CC. 35-191; In. 1641. CC. 40-94; In. 1642. CC. 6-126). F. 1357. In. 1. C. 269. (In Russian).
- Salimgareeva, O. A., & Kovalev, I. V. (2015). In the footsteps of the Dokuchaev expedition. *Proceedings of the Institute of Ecological Soil Science of the Lomonosov Moscow State University*, 15, 60–69. (In Russian).
- Shulgin, M. M. (1928). *Land management and resettlements in Russia in the 18th - first half of the 19th century*. Moscow Land Survey Institute. (In Russian).
- Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the history of colonization of Siberia in the 17th - early 18th century*. Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Skobelkin, O. V. (2011). The structure of the servile population of Voronezh and Voronezh uyezd in the 17th century. *From the History of the Voronezh Region*, 18, 77–88. (In Russian).
- Skobelkin, O. V. (2013). Servicemen at the Southern Frontier: Particular Quality of Land Ownership, Land and Class State Policy at the Latter Half of the XVII Century. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1, 58–65. (In Russian).
- Solovtsov, I. A. (1858). Historical and statistical review of crop failures in Russia. In *Collection of statistical data on Russia. Book III* (pp. 467–473). n. p. (In Russian).
- Stepanova, L. G. (2020). Development of the southern territories of the Russian Empire in the late 18th – first half of the 19th century: Structure-forming factors of settlement. In *Yearbook of Agrarian History of Eastern Europe* (pp. 72–81). Publishing and printing center “Nauchnaya kniga”. (In Russian).
- Stepanova, L. G. (2022). *General surveying and land development of the southern territories of the Russian Empire in the second half of the 18th – 19th centuries*. Kuban State University. (In Russian).
- Tarasov, Y. M. (1984). *Russian peasant colonization of the Southern Urals. The second half of the 18th - first half of the 19th centuries*. Nauka. (In Russian).
- The Southern and Southeastern Frontier of Russia in the 16th – 18th Centuries: Sketches of History*. (2024). Altair. (In Russian).
- Vodarsky, Y. E. (1977). *The population of Russia in the late XVII - early XVIII century (population, class composition, distribution)*. Nauka. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2010). American frontier and Russian analogs on the Lower Volga. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 1, 109–115. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2013). Abundance Resources as One of the Peculiarities of Frontier Territories. *Human. Community. Management*, 2, 4–15. (In Russian).
- Yamzin, I. L., & Voshchinin, V. V. (1926). *The doctrine of colonization and resettlement*. State Publishing House. (In Russian).
- Zagorovsky, V. P. (1969a). *Belgorod trait*. Voronezh University Publishing House. (In Russian).

- Zagorovsky, V. P. (1969b). Some features of the colonization process of the southern periphery of Russia in the 17th century and its periodization. *From the History of the Voronezh Region*, 3, 84–93. (In Russian).
- Zagorovsky, V. P. (1969c). Formation and settlement of Kozlovsky uyezd in the 17th century. *From the History of the Voronezh Region*, 3, 94–117. (In Russian).
- Zagorovsky, V. P. (1987). General sketch of the history of settlement and economic development of the southern peripheries of Russia in the epoch of mature feudalism. In *History of settlement and economic development of the Voronezh region in the feudal era* (pp. 3–23). Voronezh University Publishing House. (In Russian).
- Zamyatina, N. Yu. (1998). Settlement Zone (Frontier) and Its Image in American and Russian Cultures. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 75–89. (In Russian).
- Zhirov, N. A., Kanishev, V. V., & Baranova, E. V. (2014). Forest Resources in the History of Russian Agrarian Society (Local and Microhistorical Levels). *Istoriya i sovremennost*, 2, 92–111. (In Russian).
- Zhukov, D. S., Kanishev, V. V., & Lyamin, S. K. (2016). Ecofractal-2: Modeling the Interaction Between Nature and Society of Agricultural Regions by Means of Fractal Geometry in the Second Half of the XIX Century. *Tambov University Review: Series Humanities*, 21(12), 151–167. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12\(164\)-151-167](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-151-167) (In Russian).